

Моск. правда - 2002. - 27 сентябрь - с. 6.

А ВЫДОХНУТЬ БОЮСЬ

Эта премьера в театре «Новый балет», что на Новой Басманной, 25/2, состоялась еще в конце прошлого сезона. И ведь приглашали меня, да не сложилось. А в начале нынешнего попал, увидел и не пожалел о том. Вообще-то всякие ожидания в некотором смысле опасны. Ждешь дурного - и возникает предубеждение. Предвкушаешь удовольствие - и даже хорошее впечатление может недотянуть до уровня, какой предполагал...

Этот театр я, признаться, люблю. Попобил, если можно так выразиться, еще задолго до его создания. Давным-давно впервые увидел на сцене «Таганки» Аиду Чернову. Ее пластическое искусство способно было воплотить любой сюжет, раскрыть любую тему, передать любое чувство. И я, что называется, запал. А ее образы в спектакле «Работа есть работа» (песни Окужавы, перемежающиеся пластическим танцем) с легкостью возникают перед глазами, едва сомкну веки и начну вспоминать. Впрочем, и позже, приходя в созданный Черновой (вместе с Сергеем Старухиным) театр, неизмен-

но находил, что молодые артисты в полной мере реализуют ее идеи и желания. Создают на сцене то и так, что и как она сама могла прежде, да, увы, не в состоянии исполнить сейчас.

Какие же ожидания (а впрочем, и опасения тоже) были у меня, когда шел на спектакль «Кафе «Бродячая собака»? А вот какие. В подзаголовке спектакля значилось: «Балет в стиле начала XX века с зажигательным канканом, чарльстоном, шимми, фокстротами, знойным танго и романсами Вертинского». Да ведь тут запросто можно сбиться с пути, перейдя на легкую дорожку. А что? Эти мелодии и эти стихи - они ведь живут в нас давно и постоянно. Помимо нашей воли и независимо от сиюминутной, скоротечной моды, вопреки ритмам и текстам, вкопчиваемым в нас современными шоу-бизнесом.

Ну вот, скажем, «Маленькая балерина» Вертинского. Может быть, это вообще первая мелодия и первые распевные стихи, какие я услышал в жизни. Во всяком случае помню их столько же, сколько помню себя. Казалось бы, какие проблемы? Профессионально и

с известной тактичностью двигаюсь вслед за фонограммой - вот и ладушки! Собственно говоря, разве не это самое делают, подпрыгивая и колыхаясь, группы танцспровождения при известных эстрадных звездах?

К счастью, артисты, направляемые Черновой и Старухиным, в сторону этой легкой дорожки даже не косятся. Напротив, они - постановщики и танцоры - сумели подняться выше и погрузиться глубже того уровня, на котором располагались жившие в нас мелодии. Но ведь так и должно быть! Если к музыке, к стихам и дивному, чарующему голосу Вертинского добавляется то, чего прежде не было, - пластика.

Допускаю, что кто-то менее восторженный скажет, посмотрев этот спектакль, что отдельные эпизоды не более чем пластическая иллюстрация. Пусть так. Но я возражу: разве, скажем, иллюстрация Павла Бунина к Пушкину не помогают постигать ускользающий, потаенный смысл гениальных поэтических строк? Разве они, оставаясь на книжных страницах в качестве вспомогательного «материала», не представляют самостоятельной ценности? Наконец, разве пушкинский томик с бунинскими иллюстрациями не более ценен, нежели тот, что без них?

Но, конечно, в синтетическом искусстве, как в любом ином, есть два принципиально разных пути. Или одна составляющая паразитирует на другой; или обе (три, четыре, сколько угодно) неразрывно соединяются, и возникает невиданный, не прочувствованный прежде образ.

Кстати сказать, создатели «Кафе «Бродячая собака», сознательно избрав второй путь, не ограничились только мелодией, голосом и танцем. Все это цементирует... Нет, неточное слово! Связывает - гибкой, подвижной связью - поэзия: Маяковский, Блок, Есенин, Гумилев, Ахматова, Северянин... Стихи читают Чернова и Старухин. Казалось бы, эти прекрасные артисты - профессионалы совсем в другом виде ис-

кусства, отнюдь не в декламации. Ан нет, прекрасно читают, ни в одной строке не передавливая (в этом театре вообще не принято пережимать), чутко передавая и мелодизм, и настроение.

Так сошлись шесть муз - Евтерпа с Эрато, Полигимния с Терпсихорой, Талия с Мельпоменой. И в согласии благословили этот образ (сверхзадача создателей спектакля) - начало прошлого столетия, «Серебряный век», кафе, где заведывают поэты, артисты и милые, слегка томные женщины, напряжение - от разницы «потенциалов» божественной жизни и реальной, той, что за стенами.

И какие же штуки играет с нами коктейль, смешанный из искусства и нашей памяти! Что-то сдвигается, а в чем-то восприятие меняется вплоть до неузнавания, а кое-что оказывается до боли актуальным. Ну да! Уж до чего вроде бы фривольен канкан, а ведь по нынешним временам - едва ли не целомудренный танец. Или романс-реквием Вертинского: «Я не знаю, кому и зачем это нужно...» - не сегодняшней ли každодневной скорбью переполнен!

...Есть такой журналистский штамп: «на одном дыхании». Что до меня, то постарался, чтобы и это «одно дыхание» оказалось неполным. Выдохнул этот спектакль, а выдохнуть не спешу. Пусть подольше побудет во мне.

Леонид ГВОЗДЕВ.

На снимках: Анда Чернова; сцена из спектакля.

Фото Валерия СКОКОВА.

